

АНТОНЪ КРАЙНИИ
ЛИТЕРАТУРНЫЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ

О РОЗАХЪ И О ДРУГОМЪ

Все труднѣе становится размышлять — даже просто думать — о «литературѣ».

И не то, чтобы я раздѣлялъ мнѣнія нѣкоторыхъ о «концѣ литературы», или другихъ — о ея «упадкѣ» или третьихъ, ничего не понимающихъ, о ея маловажности вообще. Нѣтъ, конца литературы, по моему, еще не видно, а насчетъ упадка — во всѣ времена кто-то находилъ ее въ упадкѣ, кто-то въ расцвѣтѣ. Вопросъ вѣчно-спорный и довольно праздный.

Но безспорно — есть времена, когда лучъ мирового рефлектора останавливается не на области какого нибудь искусства, даже не вблизи, а на чемъ-то совсѣмъ другомъ. Вниманіе и глаза большинства естественно обращены тогда на болѣе освѣщенное мѣсто. Даже недавняя война, не вполне и «мировая», развѣ не была она такимъ мѣстомъ?

Для искусства, какъ для многого еще другого, эти временныя затемнѣнія, конечно, не страшны: вѣдь лучъ рефлектора скользитъ, не переставая. Увидимъ еще довольно всякой литературы, и хорошей, и дурной. Однако, съ преходящими затемнѣніями какъ-то считаешься, переживаешь ихъ, волей-неволей, и на себѣ.

Сейчасъ пятна свѣта и тѣни расположены разнообразно и неровно; широкихъ опредѣлений нельзя сдѣлать; но, пожалуй, мы не ошибемся, сказавъ, что нигдѣ въ мірѣ искусство слова (или другое искусство) не находится сейчасъ въ главномъ фокусѣ, въ центрѣ вниманія...

Ну, а если мы немножко сузимся, обратимся къ частностямъ, — къ намъ, на примѣръ, какъ къ намъ и къ «литературѣ» нашей, — понятнымъ станетъ, почему мнѣ (одному-ли мнѣ?) мало «думается» объ этой самой литературѣ. Серьезно приневоливъ себя, я могу, конечно, написать казенную рецензію о любомъ эмигрантскомъ романѣ, о молодомъ или старомъ беллетристѣ, даже о совѣтскомъ «росткѣ», «подающемъ надежды», — но думать, но размышлять надъ этими произведеніями пера — не могу: тотчасъ мысль ускользаетъ куда-то въ сторону.

Существует, однако, въ литературѣ (вѣрнѣе, въ искусствѣ «слова», а не въ «литературѣ») область, которой смѣна времени, если и кажется, то по своему, по особому. Тамъ свѣтъ горитъ ровно всегда; и у кого есть для такого свѣта глаза, тотъ всегда можетъ его увидѣть.

Область эта — поэзія.

I.

Р О З Ы

Она — поэзія — не только стихи, конечно. Но я буду говорить о стихахъ.

Особенность стиховъ — это что ихъ нельзя вполнѣ слить съ «литературой», вмѣстить въ нее безъ остатка. Во времена, когда вниманіе отвлечено отъ литературы, стихи остаются. Неизвѣстно почему вдругъ вспоминается о нихъ, думается; и никакимъ стороннимъ, самымъ серьезнымъ мыслямъ дума о стихахъ не мѣшаетъ, — иногда помогаетъ.

Впрочемъ, надо раньше сказать, какіе стихи я разумѣю.

Извѣстно, что стиховъ, и людей пишущихъ стихи, чрезвычайно много. Больше, чѣмъ пишущихъ не стихи. Мы раздѣляемъ стихи на хорошіе, средніе, плохіе, и, рассматривая ихъ съ литературной точки зрѣнія, можемъ, подчасъ, доказать, что хорошіе — хороши, и почему плохи плохіе.

Но дѣйствительное наше отношеніе къ стихамъ лежитъ глубже, и раздѣляются они не такъ, — не на «хорошіе» и «дурные». Раньше какихъ бы то ни было оцѣнокъ, самъ собою является вопросъ: «есть» эти стихи, или ихъ «нѣтъ?»

Вотъ на «есть» и на «нѣтъ» всѣ стихи и дѣлятся, безъ большого, притомъ, труда.

Надо сказать правду: послѣ такого отбора, когда возвращены будутъ «во тьму небытія» стихи, которыхъ «нѣтъ» (иногда очень хорошіе), вмѣстѣ со своими «творцами», — не много увидимъ мы другихъ, оставшихся... Но тѣмъ лучше, не они-ли одни намъ нужны?

Чрезвычайно есть стихи, о которыхъ сейчасъ я думаю, чрез-

вычайно е с т ь за ними поэтъ — Георгій Ивановъ. Поэтическое бытіе это такъ важно, что почти не хочется тянуть его стихи въ чисто-литературную плоскость, отмѣчать своеобразие (м. б. и однообразіе) ритмовъ, говорить о «мастерствѣ», и т. д. Не трудно выискать, специально этимъ занявшись, и «недостатки» въ стихахъ Георгія Иванова. Но, кажется, и они, — большинство изъ нихъ, — такого рода, что въ гармоніи цѣлаго нужны, а потому и перестаютъ быть «недостатками».

Внутренняя гармонія — свойство стиховъ всякаго подлиннаго поэта, какими-бы чертами ни отличался онъ отъ друпаго. Поэзія Георгія Иванова въ высшей степени лирична, это главная ея черта. Лиричность, сама по себѣ, не есть еще такое непремѣнное условіе поэзіи, что чѣмъ она лиричнѣе, тѣмъ «поэтичнѣй». Но преобладаніе лирики требуетъ гармоніи своего оттѣнка. И ни однимъ звукомъ поэзія Георгія Иванова прогивъ этой гармоніи не погрѣшаетъ. Поэтъ и не могъ бы, вѣроятно погрѣшить, потому что онъ дѣйствительно поэтъ-лирикъ; потому что

«Въ глубинѣ, на самомъ днѣ сознанья,
Какъ на днѣ колодца — самомъ днѣ —
Отблескъ нестерпимаго сіянья
Пролетаетъ иногда во мнѣ.
Боже! И глаза я закрываю
Отъ невыносимаго огня.
Падаю въ него.....»

Лирика подлинной поэзіи всегда свободна, подчиняясь только закону внутренней гармоніи. Для стиховъ, которые « е с т ь », не существуетъ ни «новыхъ», ни «старыхъ» словъ: таинственная сила гармоніи даетъ каждому его вѣчный смыслъ. Книга Георгія Иванова называется « Р о з ы ». Въ теченіе всѣхъ послѣднихъ десятилѣтій (о самомъ послѣднемъ не говорю) наши стихотворные «новаторы», даже не совсѣмъ плохіе, панически боялись «соловьевъ», «розъ» (особенно розъ) «голубого» (просто голубого) моря и всего такого. А между тѣмъ море осталось голубымъ, соловьи изъ поэзіи (настоящей) не думали, оказывается, улетать, и розы въ стихахъ Георгія Иванова цвѣтутъ такъ же естественно, какъ на розовыхъ кустахъ и такъ-же прекрасны, какъ... вотъ эти, громадныя ноябрьскія розовыя розы, что стоятъ сейчасъ передо мной...

Два главных свойства отличают подлинную поэзію, подлиннаго поэта отъ всѣхъ другихъ.

О первомъ свойствѣ я ужъ говорилъ: эта поэзія не умѣщается въ «литературѣ», не сливается съ ней вполне; что-то еще несетъ въ себѣ, не «отъ литературы»; живетъ и за ея гранями. Поэзія — не иногда, а всегда говоритъ намъ о «послѣднихъ вещахъ»; и языкъ ея, кажется, единственный, на который ближе всего переводится человѣческое о щ у щ е - н і е этихъ «послѣднихъ вещей»: жизни и смерти, любви и отчаянія, гибели и спасенія...

Второе-же непремѣнное свойство настоящей поэзіи, создаваемой настоящимъ поэтомъ, — с о в р е м е н н о с т ь .

Поэтъ не «отдаетъ дань своему времени» (что за нелѣпая фраза!) — онъ просто въ немъ, въ своемъ, живетъ. Вѣчное преломляется для него именно въ этомъ времени; и такимъ, не инымъ, онъ вѣчное видитъ.

Оттого и «новъ» каждый подлинный поэтъ, и новымъ остается навсегда: вѣдь онъ далъ новый образъ вѣчнаго (въ преломленіи новаго, никогда еще не бывалаго, времени), а всѣ образы, всѣхъ временъ нужны одинаково.

Кто назоветъ Лермонтова или Данте — ненужными больше, старыми? Однако, если бы Лермонтовъ воскресъ, онъ писалъ бы сегодня не то, или не такъ, по другому... оставаясь Лермонтовымъ.

Это относится ко всѣмъ поэтамъ, какъ бы разны по существу они ни были. (А они всѣ разны, всѣ подлинны, — потому и говорю я всегда о нихъ отдѣльно, не допуская сравненій: бѣлая проза не лучше розовой, и розовая не лучше бѣлой, есть-ли смыслъ ихъ сравнивать?). На поэтахъ, по преимуществу лиричныхъ, всего виднѣе, до какой степени не важны слова сами по себѣ, и какъ важна таинственная гармонія, всегда по времени, всегда новая, дѣлающая стихи м а г и ч н ы м и .

Одинъ изъ наиболѣе лиричныхъ поэтовъ — Фетъ. (И его беру не для сравненій, — для примѣра.) Фетъ воспѣлъ всѣ весны, всѣ поцѣлуи, и трели соловьиныя, и вѣчную любовь, и всякую измѣну, — ничего не оставилъ и, казалось, «лишь повторенья грядущее сулитъ». А вотъ посмотрите, что дѣлается изъ этихъ-же, приблизительно, словъ у другого поэта, тоже лирика въ высшей степени, но не фетовскаго, а нашего времени, — Георгія Иванова:

«Не было измѣны. Только тишина.
Вѣчная любовь. Вѣчная весна.
Только колыханье синеватыхъ бусь
Только поцѣлуя солоноватый вкусъ.
И шумѣло только о любви моей
Голубое море, словно соловей.
Голубое море у этихъ дѣтскихъ ногъ
И не было измѣны — видитъ Богъ!
Только грусть и нѣжность, нѣжность вся до дна.
Вѣчная любовь. Вѣчная весна.»

— «Веселыя лодки въ дали голубой», писалъ Фетъ, «свобода и воля горять впереди!» Но сегодняшній лирикъ отвѣчаетъ: «легкія лодки отчалили въ синюю даль навсегда»...

И къ некрасовской лирикѣ, такой совсѣмъ особенной (неужели «старой»?) можно не мало найти параллелей у лирика нашихъ дней. Хотя бы стихотвореніе «Россія, Россія... и какъ не отчаяться...»

Не буду продолжать, слишкомъ много этихъ параллелей (разнствующихъ соотвѣтствій!) И жалко дѣлать выписки изъ «Розъ»; каждое стихотвореніе слишкомъ цѣльное, каждое точно «одинъ звукъ», раздроблять его нельзя.

Вотъ что еще надо сказать, однако, о поэзии очень лиричной: при всей ея подлинности, она часто насквозь п а с с и в н а . Воздухомъ пассивности пропитана, вѣтромъ ея овѣяна. Съ безвольно-отдающейся грустью клонятъ долу свои головки «Розы» Георгія Иванова. Поэтъ ни надъ чѣмъ не властенъ: «Власть? но если нѣтъ и власти — даже надъ самимъ собой?...» Да онъ, кажется, и захотѣтъ не могъ бы чего нибудь, на власть похожаго. Онъ ничего самъ не «дѣлаетъ»: все, — хорошее и дурное, прекрасное и ужасное, — съ нимъ «дѣлается». Онъ только слышитъ, «какъ летитъ земля съ безконечнымъ легкимъ звономъ», или «трава растетъ», — и «голова опускается все ниже»:

«Такъ и надо. Голову на грудь
Подъ блаженный шорохъ моря или сада.
Такъ и надо — навсегда уснуть —
Больше ничего не надо.»

Трудно сказать: можетъ быть чистый лирикъ по существу связанъ съ пассивностью, съ безволиемъ, и есть въ немъ «ущербъ, изнеможенье»... А можетъ быть поэтъ-лирикъ нашихъ дней, видящій вѣчное сквозь призму нашего времени, и долженъ быть такимъ: бездумно-пассивнымъ, испуганно-нѣжнымъ и слабымъ, легкимъ-легкимъ, какъ цвѣточная пыль, исчезающая въ голубомъ солнцѣ?

Такъ или иначе, въ упрекъ Иванову поставить этого нельзя. Я, впрочемъ, и не собирался упрекать въ чемъ-либо поэта — ни бранить, ни хвалить: я, вѣдь, его поэзію не критикую, я просто немного задумался надъ этой рѣдкой книжкой.

Всякому, кто не очень «лѣнивъ и не любопытенъ», я предлагаю прочитать ее самому: не для того, чтобъ мои «размышленія» провѣрить, нѣтъ, — а чтобъ себя провѣрить и испытать. Кто м а г и этихъ стиховъ не почувствуетъ, тому, значить, дверь поэзіи закрыта навсегда.

Чтожъ? не мало и другихъ дверей на свѣтѣ...

II.

PRO DOMO NON SUA

Поэзія не отвлекла меня отъ нѣкоторыхъ мыслей о другомъ. Тоже, по моему, о «литературѣ», а если и не о «чистой» — бѣда невелика.

Давно ужъ я замѣтилъ, что не всегда бываетъ приятно оказаться правымъ, угадать вѣрно. Вѣдь и говоришь, иной разъ, и знаешь, что будетъ такъ, а гдѣ-то все-же шевелится надежда: вдругъ не такъ, иначе?

Вотъ я говорилъ, на этихъ-же страницахъ, что не надѣюсь получить отвѣта отъ «Чисель» на мой вопросъ насчетъ « п о л и т и к и » ; втайнѣ-же надѣялся: а можетъ быть? Но вышло не по тайному, а по явному.

Мой вопросъ былъ поставленъ очень ясно. Даже газета, въ общемъ дружественная, но почему-то за этотъ вопросъ искавшая меня упрекнуть, — признала ясность; обвиненіе свелось къ тому, что статья моя была «написана м я г к о ». На это сказать нечего. Съ пристрастіемъ допраши-

---

вать я не умѣю; да признаться, и умѣлъ-бы — такъ не сталъ. Пусть ужъ другіе, кто вѣритъ въ полезность этого способа.

Какъ бы то ни было, отвѣта я не получилъ. Съ большимъ тщаніемъ прочелъ «Дневникъ» Н. Оцуа, гдѣ долженъ былъ находиться отвѣтъ, но его тамъ не оказалось. Къ моей статьѣ Н. Оцупъ отнесся съ видимымъ вниманіемъ, за что я его очень благодарю, но по существу дѣла я ничего не узналъ. Узналъ только, ввидѣ отвѣта, что редація Чисель «противъ тираніи политики». Говорю «ввидѣ отвѣта», потому что какой-же это отвѣтъ, разъ я о тираніи не спрашивалъ, не заикался даже, будучи заранѣе увѣренъ, что ни къ какимъ тиранствамъ «Числа» симпатіи не питаютъ.

Я спрашивалъ прямо о политикѣ; о содержаніи и смыслѣ, — для «Чисель» — этого слова, о томъ, ч т о подъ нимъ разумѣтъ редація новаго журнала, объявляя, что она — противъ «политики»...

Искать отвѣта въ дальнѣйшихъ главахъ «Дневника» Н. Оцуа — было бы совсѣмъ бесполезно: тамъ ужъ пошла рѣчь о постороннихъ вещахъ. Тогда я попробовалъ, не найду-ли косвеннаго отвѣта въ журналѣ, какъ таковомъ: противъ чего тамъ возстаютъ, или-же чего въ журналѣ совсѣмъ не будетъ, — то и есть для него «политика».

Не увѣнчалась успѣхомъ и эта попытка. Если находились статьи «противъ», то при всемъ желаніи невозможно ихъ было принять, какъ направленные противъ чегонибудь вродѣ «политики». Способъ исключенія (т.-е. чего въ журналѣ нѣтъ вовсе?) — тоже не помогъ: слишкомъ многихъ вещей тамъ нѣтъ, которая-же «политика»?

Но дѣйствительно: ничего, даже издалека приближающагося къ какойнибудь явной «политикѣ» въ «Числахъ» не имѣется (даже дипломатіи нѣтъ!) По досадному недоразумѣнію нѣкоторые приняли за «политику» фразу Г. Адамовича о большевикахъ, которые, на его взглядъ, дѣйствуютъ «въ вѣрномъ направленіи». Но не только мнѣ, всякому мало-мальски внимательному читателю ясно, что и тѣнь политики здѣсь не ночевала. Стоитъ сопоставить слова Адамовича со статьей Поплавскаго, чтобы понять: рѣчь идетъ не о политикѣ, но... о мѣрѣ: не дѣйствовать-ли такъ, чтобы «погасить» мѣрѣ? Не это ли — дѣйствіе «въ вѣрномъ направленіи»? Адамовичъ лишь спрашиваетъ, но Поплавскій увѣренъ; вѣдь «агонія — самое приличное для міра состояніе».

Вопросъ огромный, даже слишкомъ огромный. Что передъ нимъ мои скромныя вопрошанія насчетъ политики? Но все-же, пока всеобъем-

---

лющій вопросъ этотъ не рѣшенъ (и скорого рѣшенія не предвидится) почему-бы намъ не заняться вопросами съ виду маленькими, обыденными, находящимися, какъ мы сами, во времени? Вопросами просто — жизни? Подвернется непременно тутъ и «политика». Кромѣ окончательныхъ высотъ и широтъ, — нигдѣ сегодня отъ нея не спастись: ни въ Парижѣ, ни въ Россіи... ни въ журналѣ.

Журналъ «Числа», пока что, спасается. До такой степени, что даже завѣдомые «политики», направляясь подъ сѣнь его, облакаютъ себя въ одежды критиковъ... если не литературы, то литераторовъ.

Это недурно, это имѣетъ свой стиль. Но какъ долго можно его выдерживать?

И все-таки я продолжаю думать, что «неинтересный» мой вопросъ, — о политикѣ (и какой?) о связи или несвязи ея съ искусствомъ, о ея «мѣстѣ» въ жизни въ разные моменты исторіи, — не такой ужъ неинтересный вопросъ. Кто знаетъ, можетъ и къ «міру», и къ «вѣчности» имѣеть онъ большее отношеніе, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда?

Если группа русскихъ людей, близкая журналу «Числа», не дала еще, со своей стороны, никакого отвѣта на вопросъ — то врядъ-ли потому, что не можетъ имъ заинтересоваться. Я думаю (или хочу вѣрить) что она просто еще не успѣла выработать въ себѣ ясное къ нему отношеніе. Когда это будетъ — будутъ и отвѣты.

P. S. Эти строки были уже написаны, когда состоялся въ Парижѣ вечеръ «Чисель», посвященный какъ разъ вопросу, меня занимающему: объ искусствѣ и политикѣ.

Не касаясь въ частности ни одного изъ ораторовъ (я не пишу отчета о вечерѣ) я долженъ, однако, сказать, что какимъ то образомъ, совокупность всѣхъ рѣчей, атмосфера залы или, можетъ быть, нѣсколько кѣмъ-то брошенныхъ словъ, — все это вмѣстѣ очень разъяснило для меня и вопросъ, и позицію «Чисель». Скажу кратко и упрощенно: мнѣ кажется, что литературный журналъ имѣлъ намѣреніе, въ программномъ заявленіи своемъ, подчеркнуть, прежде всего, свою литературную п р е и м у щ е с т в е н н о с т ь (на которую онъ, естественно, имѣетъ право). Онъ воспользовался ходячимъ словомъ «политика», просто-на-просто желая огово-

---

риться, что статей по чисто-политическимъ вопросамъ въ немъ не будетъ, уже потому, что сотрудники его — литераторы по преимуществу и профессионально-политическихъ статей писать не умѣютъ. Это опять только естественно, и врядъ ли ктонибудь пожелалъ бы (и я менѣ всего), чтобъ было иначе, чтобъ «пирожникъ» принялся «тачать сапоги». Но при этомъ — насколько я убѣдился — руководители «Чисель», вкупѣ со своими ближайшими сотрудниками, нисколько не отрицаютъ, что «политика» — понятие растяжимое, въ нѣкоторыя-же времена — особенно растяжимое; и тогда вопросъ, переходя границы специализма и оставаясь какъ бы «политическимъ», можетъ разсматриваться, какъ в о п р о с ъ ж и з н и .

Могли-ли «Числа, да и какойнибудь дѣйствительно литературный журналъ, сказать, что къ т а к и м ъ «политическимъ» вопросамъ они не имѣютъ отношенія? Нѣтъ, конечно; это было бы просто абсурдомъ, какъ заявленіе, что «литература не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ жизни».

Пирожникъ можетъ не тачать сапогъ, сапожникъ не печь пироговъ (бываетъ и это, но, слава Богу, рѣдко) — однако ни съ того, ни съ другого не снимается обязанность быть «человѣкомъ» (сказалъ одинъ изъ близкихъ сотрудниковъ «Чисель», — Адамовичъ). Не снимается она и съ литератора; и литература, искусство, изъ котораго исключена малѣйшая черта «человѣчества», — будь то человѣческая мораль или что другое, — уже не искусство. Въ искусствѣ — особенно видно, на какихъ трехъ китахъ все построено; эти киты, банальные, подобно всему вѣчному, — правда-добро-красота. Отнимите любого — посмотримъ, что у насъ будетъ за «искусство». Выньте какогонибудь изъ широко-понимаемой политики, общей жизни ч е л о в ѣ ч е с к о й — поглядимъ, что у насъ отъ нея останется...

Изъ-за словъ, все таки не всегда точно употребляемыхъ, многимъ, вѣроятно, и послѣ вечера «Чисель» осталось кое что неяснымъ. Есть слова (звуки) которыя, отъ привычки, дѣйствуютъ гипнотически. Я старался преодолѣть гипнозъ, и, если не все, то позиція «Чисель» по отношенію къ «искусству» и «политикѣ», стала мнѣ понятной. Она, по моему, въ существѣ, правильна... Быть можетъ, нѣкоторые изъ руководителей журнала еще будутъ спорить, найдутъ, что я ошибаюсь?...

Но кажется мнѣ, что нѣтъ, не ошибаюсь.